

Е. Н. Опочинин

Терпигорев Сергей Николаевич

(он же Сергей Атава)

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/zolot/opochinin_terpigorev.html.

В начале восьмидесятых годов, как раз около того времени, когда в "Отечественных записках" стали появляться очерки под общим заглавием "Оскудение", подписанные псевдонимом "Сергей Атава", я, не помню каким образом, познакомился с красивой молодой дамой "из новых", с коротко остриженной густой шапкой великолепных волос, Евгенией Николаевной Флаг, которая, в свою очередь, познакомила меня со своим мужем Николаем Михайловичем Астыревым. Обитали они в маленькой квартирке в нижнем этаже одного из огромных домов графа Шувалова на теперешней Пушкинской, а тогда еще Новой улице. Там и случилось мне как-то быть.

Хозяином квартиры был некто Афанасьев, нестарый еще человек купеческого облика, грубоватый и выговаривавший самые обыкновенные слова с каким-то вывертом. Афанасьев был предпринимателем какого-то электрического огнива, долженствовавшего заменить спички для закуривания. Предполагалось, что "у каждого барина" в кабинете на письменном столе должно непременно стоять это огниво, представлявшее собою не что иное, как элемент, кажется, Грене в виде довольно большой банки, на три четверти наполненной едкой черной жидкостью. Уж одно то, что эта банка могла опрокинуться на письменном столе, казалось бы, исключало всякую возможность применения этого огнива в качестве кабинетной вещи. Однако же Афанасьев у кого-то купил изобретение этого огнива, а Н.М. Астырев являлся при нем агентом по распространению этого изобретения. Но распространялось огниво чрезвычайно плохо, и дело ограничивалось веселыми вечерними сходочками, на которых Афанасьев вывертывал свои словечки с лакейским шиком, попевала запрещенные песенки красивая Евгения Николаевна и в вечном затруднении ерошил свои белокурые волосы Н.М. Астырев, который, между прочим, бешено ревновал свою супругу.

Вот в этой-то компании в первый же свой визит к Астыревым я встретился с С.Н. Терпигоревым. Не знаю, на каких условиях он проживал в квартире Афанасьева, но у него была тут особая комнатка без всякой, правда, мебели, даже без кровати, только с одной конторкой у стены и холщевым чемоданом на полу. Когда, поразговорившись с С.Н., я спросил, где он помещается, он мне сказал:

- Да вот здесь - чемодан под голову, а накидкой укрываюсь. Мне немного надо: было бы пиво и сигары, а остальное... - он не договорил и махнул рукой.

И действительно, одутловатое лицо С.Н., заплывшие глазки и вся несколько раздавшаяся фигура его говорили о большом потреблении пива.

Я стал с ним встречаться, то у Астыревых, то в кухмистерской, а то изредка он заходил и ко мне. Помню, однажды, когда я был у Астыревых, он вернулся от М.Е. Салтыкова и с восторгом показывал мне корректурные гранки своего "Оскудения" с наклеенными с боков полосами бумаги, сплошь испещренными редакторскими поправками.

- Смотрите! - с восторгом указывал мне С.Н. на пеструю корректуру. - Живого места нет! И кто, подумаешь, будет так заниматься с сотрудником?! А он беседовал со мной больше часу, он ведь не кто-нибудь, а сам Салтыков-Щедрин... За честь и удовольствие для себя считаю я работать у него в журнале. И никогда не уйду от него, разве уж выгонит.

Впоследствии вспомнились мне эти слова Терпигорева, когда я увидел его имя под фельетонами в "Новом времени".

Вскоре, помнится, Терпигорев перебрался куда-то от Астыревых. Вообще говорили, что он устроился. Я стал встречаться с ним только на улицах. Вид он имел прежний. В неизменной накидке, с котелком на голове, одутловатый и не очень трезвый, с воняющей страшной сигарой в зубах.

Позднее я стал встречаться с ним изредка у редактора "Исторического вестника" Сергея Николаевича Шубинского, печатавшего в этом журнале его интересные очерки под заглавием "Потревоженные тени". Помню, Шубинский очень хвалил эти рассказы Терпигорева, находил их интересными, но замечал всегда, что на них лежит отпечаток фельетонной работы и что они страдают растянутостью. Пожалуй, что это была и правда.

Припоминается мне смешной анекдот, происшедший с С.Н. Шубинским во едину из суббот во время посещения его Терпигоревым. Я пришел к Шубинскому, когда его только что покинул Атава. Надо сказать, что дело было зимой, и я застал С.Н. в бешенстве бегающим из угла в угол просторного